

ИСТОРИИ УОЛЛ- СТРИТ

ЭДВИН
ЛЕФЕВР //

КЛАССИКА
МИРОВОЙ
БИЗНЕС
ЛИТЕРАТУРЫ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Эдвин Лефевр
Истории Уолл-стрит
Серия «Классика мировой
бизнес-литературы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66773668
Истории Уолл-стрит / Эдвин Лефевр: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161811-7

Аннотация

«Это единственная книга об Уолл-стрит, которая попадает прямо в яблочко», – писали в The New York Sun. «Истории Уолл-стрит» – это сборник из 8 рассказов, в которых автор ярко и достоверно передает атмосферу биржи на рубеже XIX–XX веков. Лефевр был успешным финансовым журналистом и тесно взаимодействовал с публикой Уолл-стрит, поэтому сюжеты его историй основаны на реальных событиях. При этом прототипами действующих лиц являются известные финансисты того времени уровня Баффетта и Сороса. Впервые опубликованная в 1901 году, книга пережила множество переизданий и заслуженно является классикой биржевой литературы.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Как это стало возможным	7
Дама с облигациями	16
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эдвин Лефевр

Истории Уолл-стрит

Посвящается Самуэлю Хьюзу Уоттсу

Edwin LeFevre
Wall Street Stories

© by Edwin LeFevre, 1901

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

«Воспоминания биржевого спекулянта»¹ – книга, с которой сегодня в первую очередь ассоциируется имя Эдвина Лефевра. Это произведение, увидевшее свет в 1923 году, стало одним из последних в творчестве писателя. А сейчас вы держите в руках сборник рассказов – дебютную работу мастера. «Истории Уолл-стрит» вышли на 22 года раньше «Воспоминаний...». И уже здесь проявились запоминающийся стиль и тонкое понимание автором биржевых реалий, которые в дальнейшем и обессмертили имя писателя.

The New York Sun дает такую характеристику рассказам Лефевра: *«Это единственная книга об Уоллстрит, которая попадает прямо в яблочко...»* Для любознательных сообщим, что первоначальная цена книги составляла всего 1,25 доллара.

Каждая книга писателя – это не вымысел, а реальная человеческая история, превращенная мастером пера в художественное произведение, где, при желании, в образах героев можно узнать реальных людей. Когда-то старожилы Уолл-стрит с удовольствием проводили аналогии и угадывали, кто выписан автором под именем того или иного персонажа. «Воспоминания...» давно признаны биографией Великого

¹ Лефевр Э. Воспоминания биржевого спекулянта. – М.: Бомбора, 2021.

Медведя Уолл-стрит – Джесси Ливемора. Писатель сумел великолепно передать образ мышления профессионального биржевика, принципы и философию трейдерства. Очень долго широкая публика была уверена, что Лефевр и Ливемор – одно и то же лицо. Так думали, когда я впервые познакомился с этой книгой, четверть века назад, так некоторые думают даже сейчас. И это неудивительно.

Когда я сел за работу над своей первой книгой «Биржевые маги», Лефевр был для меня своеобразной путеводной звездой. Мне очень хотелось писать так, чтобы мои труды, как произведения Лефевра, оставались живыми и актуальными многие годы. Я был глубоко благодарен этому талантливому финансовому писателю уже ушедшей эпохи за то, что его книги поддерживали во мне творческий подъем и невероятно вдохновляли. По этой причине я рад, что имею возможность помочь публикации незаслуженно забытой книги Эдвина Лефевра «Истории Уолл-стрит», чтобы читатели наших дней смогли получить удовольствие от знакомства с ней.

Как это стало возможным

Джин Глассер, редактор McGraw-Hill, давно предлагала встретиться, чтобы поговорить о моей следующей книге. Но у меня был настолько плотный рабочий график, что я не мог найти время даже на то, чтобы просто подумать о ее написании. Я отказывал, Джинн вновь звонила, я снова отказывал, но Джинн не сдавалась, и в итоге я уступил.

Во время обсуждения разговор зашел о великих книгах. Тут я вспомнил, какую роль сыграли «Воспоминания.» в моей работе над предыдущим произведением. «У Лефевра, кстати, есть и другие книги, например „Истории Уолл-стрит“, – сказал я в тот момент Джинн. – Она произвела на меня впечатление. Может быть, вы захотите переиздать ее». Джинн собрала информацию и выяснила, что с момента последнего издания «Историй Уолл-стрит» в самом деле прошло слишком много лет, и запустила этот проект.

Эдвин Лефевр мечтал стать писателем еще с подросткового возраста. Другого призвания для себя он не видел, но в роли успешного хроникера жизни Уолл-стрит выступил по воле случая.

Отец внушал Эдвину, что заниматься писательским ремеслом он сможет, только найдя себе занятие, обеспечивающее финансовую независимость. Изучение горной инженерии в университете Лихай стало попыткой молодого Лефев-

ра следовать наставлениям отца. Три года он посвятил учебе, которая была ему совершенно не интересна, и в конце концов, оставив университет, устроился репортером в The New York Sun. Через семь лет, в попытках продать свои рассказы, он заглянул к своему приятелю – редактору финансовых новостей. Эта встреча дала толчок новому витку его карьеры – в отделе финансовых новостей.

Интересно, что еще за несколько лет до такого поворота событий Лефевр написал рассказ об Уоллстрит. Он прочел его другу, работавшему в области финансов. Тот похвалил сюжет, но заметил, что ему не хватает достоверности. Поварившись несколько лет в котле Уолл-стрит, молодой писатель полностью согласился с этими замечаниями. Говоря о том рассказе, написанном еще без понимания тонкостей биржевого дела, он признал: «Мой друг был прав. Этой истории не хватало внутреннего наполнения. Но теперь-то я все время в гуще событий»².

«Истории Уолл-стрит» создавались уже человеком, который действительно разбирался в том, о чем писал. Талант Лефевра докапываться до сути в жизни и операциях биржи и превратил его «Воспоминания...» в настольную книгу многих нынешних трейдеров. Этот талант раскрывается еще в сборнике, написанном на двадцать лет раньше. Достаточно прочитать лишь небольшой отрывок из рассказа «По-

² The New York Times. Субботний обзор книг Отиса Нотмана. 9 марта 1907 г. (Saturday Review of Books by Otis Notman, March, 9, 1907.)

советовал.», чтобы показать это. Здесь явственно виден ход рассуждений биржевика-неудачника, в котором наглядно демонстрируется, что мешает людям сокращать свои убытки: *«Они не отступили при первых потерях, пока те были еще минимальными. Эти спекулянты, не сумевшие оседлать удачу, не (бывали с рук свои акции, уповая на то, что будет. – новый подъем и они сумеют отыгаться. А котировки все быстрее катились вниз. Наступил момент, когда убытки стали так велики, что, казалось, будто единственный путь к спасению – держать бумаги хоть бы целый год, пока курс вновь не начнет расти. Но цены опустились так низко, что многим не оставалось иного выхода, как продавать»*.

«Дама и ее облигации» – рассказ, который я могу перечитывать снова и снова. Он полюбился многим поклонникам творчества Лефевра. Некоторые критики отмечали его как «наиболее успешный и убедительный»³.

«Это единственная книга об Уолл-стрит, которая попадает прямо в яблочко...»

В этой истории писатель демонстрирует свое великолепное чувство юмора, которое не слишком характерно для других рассказов сборника (пожалуй, кроме «Советника по тео-

³ «The New York of the Novelists, A New Pilgrimage» by Arthur Bartlett Maurice, Part 2: The Canons of the Money Grubbers, The Bookman, An Illustrated Magazine of Literature And Life, Volatility. XLII, September 1915 – February 1916, copyright 1916, Dodd Mead and C°.

логии»), но прекрасно продемонстрировано в «Воспоминаниях.»

Здесь главный герой – мистер Колвелл, компаньон в крупной биржевой конторе и директор нескольких компаний. Совершенно бескорыстно он тратит много времени на распутывание той финансовой неразберихи, которую оставил в наследство семье его покойный друг.

Колвелл, избавив его вдову от долгов, помогает ей поместить немалую сумму в трастовую компанию. Вскоре эта дама появляется в его кабинете с жалобами на то, что не в силах прожить на те деньги, что выплачивает ей трастовая компания, – ведь у ее мужа была «такая широкая душа», а дети «избалованы его любовью». Когда женщина узнает, что с облигаций она сможет получать не 79 долларов в месяц, как сейчас, а 110, она жалуется:

«– Да... – вздохнула она, – Гарри тратил 10 тысяч в год.

– Но Гарри всегда был. э-э-э... довольно оригинален.

– Но разве это плохо, что он брал от жизни лучшее? – немного с вызовом ответила она и, выдержав красноречивую паузу, спросила: – Скажите, мистер Колвелл, если я не захочу больше держать облигации, смогу ли я по первому требованию вернуть деньги?

– Безусловно. Вы просто продадите их чуть дороже или дешевле, чем приобретали.

– Да только разумно ли продавать бумаги по цене ниже той, по которой покупали? – спросила она с видом матерого

спекулянта».

Убедив вдову, что эти ценные бумаги – хорошие инвестиции, хотя их рост зависит не от него, Колвелл приобретает их с одобрения миссис Хант.

Но, пожалуй, не стоит уже в предисловии рассказывать всю интригу. Хватит и того, что неискушенность вдовы, подогреваемая сомнениями и советами близких, уверенных, что неплохо разбираются в делах Уолл-стрит, вызывает ряд событий, иллюстрирующих, что «добрыми намерениями выложена дорога в ад».

В рассказе «Посоветовал.» повествуется о дебютанте на биржевом поприще – Джилмартине, пришедшем на Уолл-стрит из надежного фармацевтического бизнеса. Он считает, что его призвание – спекуляции акциями.

Но наивная вера в свои таланты, вызванная успехом на растущем рынке, быстро наталкивается на реальность будней трейдера: *«Они были простодушными дебютантами в такой большой игре – будто щенки, поднимавшие восторженный лай на весь мир о том, как они стали матерыми охотничьими псами. Случалось, конечно, что кто-то терял деньги, но это воспринималось как что-то несерьезное и малозначимое на фоне всеобщих выигрышей. Когда на рынке произошел перелом и началось стремительное падение:, все очутились в плену своих открытых „бычьих“ позиций. Резкое и сильное обрушение свалилось на этих кутят, словно снег на голову. Пока акции падали, эти щенки, барахтаясь и*

пытаясь выжить после того, как их выбросили в реку, потеряли весь свой оптимизм. Тот день, который потом получил название дня паники, заставил заметно осунуться лица брокеров. Те, кто вчера возлежал на лаврах победителей, сегодня страшились оказаться на паперти».

Но Джилмартин не желает признавать свое поражение и возвращаться на прежнюю работу, откуда его провожали с уверенностью, что вскоре покидающий их сотрудник станет миллионером. Герой Лефевра без устали подсчитывает, сколько сумел бы заработать, если бы учитывал те или иные факты и заключал сделки в самые подходящие моменты.

Но этот человек все же умудряется найти на бирже свою нишу. Он начинает торговать «полезными рекомендациями». Убеждая своих клиентов, что его наводки вполне эффективны, он получает плату за свои услуги от 50 % из них. Секрет прост: он дает половине своих «жертв» одни советы, а второй половине – абсолютно противоположные. Но в итоге сам «советчик» получает по заслугам, поверив чужой плохой наводке. Тем не менее читатель жалеет Джилмартина.

В рассказе «Посоветовал.» показан крах достаточно успешного биржевика, пострадавшего от собственной страсти к игре и обмана.

«Стой или падай» знакомит нас с удивительно похожей историей. Здесь речь идет о судьбе Уиллиса Хайуарда. Дебютировав на бирже в роли телефонного клерка, он к концу рассказа дорос до совладельца брокерской фирмы. Но уже

на первых шагах он пал жертвой азарта и потерял все из-за безответственных и легкомысленных операций. Автор рассказывает, как Уолл-стрит обманывает и развращает человека, внушая ему, что спекуляции на рынке – несложный способ заработать легкие деньги: *«Капитал Сэлли сколотил без труда. Это обычно и объясняет, почему деньги, накопленные игрой на бирже, так стремительно и бестолково утекают»*.

Несмотря на то что рассказам Лефевра уже более ста лет, ситуация на бирже не особо поменялась. Чтобы в этом убедиться, достаточно вчитаться в следующую цитату: *«Сэлли жил по принципу: „Приобретайте ЛСВ. Они точно поднимутся в цене!“ ЛСВ означало – Любые Старые Вещи»*.

Лейтмотивом «Историй Уолл-стрит» является мысль, что создать и удержать свой капитал на бирже удастся тем, кто профессионально и ответственно подходит к торговле, а все махинаторы, скупцы, советчики и их поклонники рано или поздно оставляют здесь все свои средства. Порой выскочкам удастся заработать, удачно вложив свои деньги или прислушавшись к хорошей рекомендации, но этот успех заставляет их уверовать в то, что спекуляция – легкий путь к миллионам, и в итоге остаться ни с чем.

Лефевр, как на страницах своих произведений, так и в интервью, всегда проводит отчетливую границу между рыцарями наживы и настоящими профессионалами Уолл-стрит. Писатель сочно и образно рисует их нравы и судьбы. В сво-

ем последнем романе «Воспоминания биржевого спекулянта» автор вкладывает в уста главного героя такую фразу: *«25 лет из прожитых мной 45 я провел на Уолл-стрит. Был – с кем-то близко, с кем-то не очень – знаком почти со всеми воротилами и магнатами своей эпохи. Поэтому могу смело сказать: ими в первую очередь двигала не жажда сколотить миллионы. Они стали великими и знаменитыми благодаря тому, что любили добиваться успеха и достигать поставленных целей».*

А вот о махинаторах этот же герой (читайте – Лефевр) высказывается так: *«На бирже немало аферистов, мечтающих получить что-то из ничего, и это стремление – финансовое самоубийство».*

Когда писатель в 1907 году давал интервью The New York Times после выхода в свет его книги «Скала Самсона», он подтвердил эти слова: *«Уолл-стрит выбрана мной в качестве места действия не случайно. Там встречаются отравленные алчностью и жаждой легких денег... Многие мечтают не просто сколотить состояние, а сколотить его стремительно и без особых усилий. Но такое дано только единицам. Как помочь людям не попадать впросак? У меня нет готового ответа. Но, может быть, „Скала Самсона“ подскажет кому-то, какое огромное значение имеют трезвый рассудок, знания и решительность в торговле на Уолл-стрит»⁴.*

⁴ New York Times, Saturday Review of Books by Otis Notman. March 9, 1907.

Лефевр лишь в очередной раз подчеркивает: скупцы и аферисты, мечтающие без усилий нажиться на спекуляциях, в конце концов лишь собственноручно перекладывают деньги из своих карманов в карманы опытных биржевиков. Тянувшиеся за наживой мошенники заканчивают потерей всего, а те, для кого деньги — лишь путь к иным целям, настоящие виртуозы, приумножают свои капиталы.

Да, «Истории Уолл-стрит» вышли в свет больше века назад, но кое в чем они актуальны и по сей день.

Джеск Швагер

Дама с облигациями

Мистер Фуллертон Ф. Колвелл, один из компаньонов в биржевом доме Wilson & Graves, был известен своими обширными связями и великодушием. И для своего друга Гарри Ханта он, казалось бы, устроил все наилучшим образом.

Мистер Колвелл стоял во главе десяти компаний — тех неискушенных новичков, с которых он сумел скинуть долговое ярмо и дал шанс стать на ноги. Компаньоны под его крылом могли не беспокоиться за свое будущее, и даже рядовые секретари в его конторе говорили о нем как о самом трудолюбивом человеке. Такие слова особенно приятны тем, кто знает, что его доходы и слава напрямую связаны со стараниями самых обычных клерков. Хотя, вполне возможно, что этих простых тружеников, без усталости ковавших коммерческий успех Wilson & Graves, пленяло то особое достоинство, с которым держался мистер Колвелл.

Он всегда находил время поинтересоваться у каждого подчиненного, как много работы предстоит ему выполнить сегодня. И всякий понимал: от того, как он постарается, будет зависеть благополучие всей фирмы. Безусловно, в глазах работников мистера Коллвелла поднимало и то, что в его обязанности входило увеличивать заработную плату, это делало его самым почитаемым начальником.

Нельзя сказать, что компаньоны мистера Колвелла поль-

зовались такой же популярностью у служащих. Джон Д. Уилсон транжирил деньги без счета, разъезжая по курортам в погоне за вечной молодостью. Прижимистый Джордж Б. Грейвз мучился несварением и был просто вспыльчивым комком нервов. Хотя это именно он тащил все на себе, когда Уилсон занимался основанием компании. Фредерик Р. Дентон практически носа не казал из зала фондовой биржи. Там он не только выполнял различные распоряжения и вел активы, которые были доверены компании, но и по роду служебных обязанностей, и в силу природного любопытства собирал информацию, касавшуюся Wilson & Graves, но совершенно не предназначенную ему лично.

И только Фуллертон Ф. Колвелл успевал повсюду – правил бал и на бирже, и в конторе. Он манипулировал ценными бумагами Wilson & Graves, контролировал большую часть всевозможных пулов, организованных клиентами компании, разбирался в тонкостях управления разнообразными корпорациями. Изо дня в день он встречался с полутора десятком людей – «солидными тузами», желавшими провести несколько операций на бирже. И этот достаточно могущественный и занятой человек, чьи минуты стоили отнюдь не дешево, а ум был вообще бесценным, взялся за запутанные дела своего бесшабашного друга, которому и в голову не приходило вести счет своим долгам. Естественно, он с блеском решил эту проблему и даже не взял причитавшийся ему гонорар. Когда кредиторы ушли, совершенно удовлетворен-

ные, выяснилось, что на счете несчастного Гарри Ханта есть еще 38 тысяч долларов. И вся эта сумма вложена в трастовую компанию Trolleyman's в интересах миссис Хант с годовой ставкой 2,5 процента. Плюс бедной вдове достался дом, свободный от долгов, полученный ею от Гарри, пока он еще был жив. Когда все имущественные вопросы были улажены, безутешная вдова заглянула к мистеру Колвеллу.

Денек был тот еще. Словно по сигналу из своих берлог повылезали и угрожающе встали на дыбы биржевые «медведи». Alabama Coal & Iron – лакомый кусочек Wilson & Graves – подвергся атаке как со стороны Long Tom Сэма Шарпа, так и трейдерской компании Mazims. Колвелл только и мог, что объяснить Дентону, находившемуся на первой линии огня, по возможности «дать опору» акциям Alabama Coal & Iron, чтобы зарвавшиеся «медведи» засомневались, но при этом не приобретать все бумаги компании, гуляющие по рынку. Тогда он как раз совершенствовал особый метод биржевой спекуляции. Метод состоял в том, чтобы скупать тогда, когда «медведи» уже изодрали ваш кошелек до того, что золото валится им в лапы. Любое слово, обрывок сведений, мельчайшая деталь были в тот момент бесценны. А каждый дюйм ленты телеграфа для опытного биржевика мог поспорить по накалу страстей с рвущими душу трагедиями классиков. Пропустить сейчас хоть один знак на ленте было смерти подобно.

– О, мистер Колвелл, рада видеть вас!

На миг лента задержалась в его руке. Он стремительно повернулся. В самый разгар яростного противостояния на бирже переключать внимание на даму было не просто несвоевременно, но даже досадно.

— Миссис Хант, это вы! Доброе утро! — ответил Колвелл крайне учтиво. — Я тоже очень рад видеть вас. Как ваши дела?

Колвелл успевал повсюду — правил бал и на бирже, и в конторе. Он манипулировал ценными бумагами, контролировал пулы, разбирался в тонкостях управления корпорациями.

Он галантно помог своей гостье расположиться в громоздком кресле. Его корректность и достоинство располагали к себе даже беззастенчивых акул Уолл-стрит, привлечь интерес которых можно было только филигранными рассуждениями истинного виртуоза биржи.

— Надеюсь, что все у вас обстоит прекрасно, миссис Хант. Не так ли?

— В общем-то... Да. — неуверенно протянула расположившаяся в кресле дама. — Насколько об этом можно говорить после случившегося.

— К сожалению, милейшая миссис Хант, только время может залечить эту рану. Но вы должны держаться. Уверен, сам Гарри хотел бы этого.

— Конечно, конечно, — печально кивнула она. — Я должна держаться.

В помещении воцарилось неловкое молчание. Колвелл был само сочувствие. Тут застрекотал телеграф. Что нес с собой этот звук? Какие доллары и центы звенели в нем? Может, «медведи» взяли в кольцо Alabama Coal & Iron, и идет суровая битва? Или Фред Дентон сумел отбросить их? Не близился ли главный момент, сулящий победу той или другой стороне? Лицо мистера Колвелла по-прежнему выражало дружеское участие, лишь на секунду дрогнул уголок губ, но это было так мимолетно, что могло просто показаться. Словно испрашивая прощения за мимолетную слабость, Фуллертон Ф. Колвелл проникновенно заговорил:

– Миссис Хант, вам не стоит терзать себя печальными мыслями или переживать по поводу своих затруднений. Вам известно, как близки мы были с Гарри, как я любил и уважал его. Я всегда был готов прийти ему на помощь. И конечно, я сделаю все, что в моих силах для вас, миссис Хант, не сомневайтесь.

Телеграф вновь подал голос, прерывая столь прочувствованную речь. Словно намереваясь перекрыть этот настойчивый стрекот, он заговорил еще настойчивее.

– Не сомневайтесь, миссис Хант, я буду только рад оказать вам любую помощь.

– Мистер Колвелл, даже не знаю, что ответить на вашу доброту, – тихо проговорила вдова. И, немного помолчав, добавила: – Мне хотелось бы узнать насчет тех денег.

– И что именно вас интересует?

– В трастовой компании я узнала, что если не стану снимать их со счета, то мне полагаются ежемесячные выплаты – 79 долларов.

– Сейчас посмотрим. Да, совершенно верно, именно такая сумма вам причитается.

– Вот как, мистер Колвелл... Но ведь этих денег нам никак не хватит. 50 долларов надо отдать за школу Уилли, а Эдит все время приходится покупать наряды.

Смиренный вид гостыи недвусмысленно указывал на то, что сюда привело ее лишь беспокойство о детях. Она ни за что не пришла бы просить для себя. А вот о них.

– Видите ли, мистер Колвелл, Гарри их разбаловал. Хвала небесам, у нас есть крыша над головой, но налоги лишают нас последнего. Нет ли какого-нибудь способа вложить деньги, чтобы получать с этой суммы побольше?

– Если хотите, я могу приобрести для вас облигации. Только самое важное для меня – ваша безопасность, миссис Хант. И я могу предложить вам лишь те бумаги, в которых уверен. Ваша прибыль составит 3,5 процента. Давайте взглянем, что вы получите в итоге. Так. Вот, 110 долларов ежемесячно.

– Да. – ностальгически вздохнула она, – Гарри тратил 10 тысяч в год.

– Гарри всегда был... э-э-э... довольно оригинален.

– Но разве это плохо, что он брал от жизни лучшее? – немного с вызовом ответила она и, выдержав красноречивую

паузу, спросила: – Скажите, мистер Колвелл, если я не захочу больше держать облигации, смогу ли я по первому требованию вернуть деньги?

– Безусловно. Вы просто продадите их чуть дороже или дешевле, чем приобретали.

– Да только разумно ли продавать бумаги по цене ниже той, по которой покупали? – спросила она с видом матерого спекулянта.

– Конечно, сударыня.

– Это не принесет никакой прибыли.

Телеграф не унимался, он стрекотал не умолкая. Можно было лишь догадываться, о каких перипетиях он готов был рассказать! А Колвелл уже пять минут не мог даже повернуться к нему.

– Взялись бы вы, мистер Колвелл, приобрести для меня то, что можно было бы прибыльно продать, если я вдруг решусь на это?

– Миссис Хант, ни один человек не поручится вам за это, не только я.

– Но я не готова терять те крохи, которые у меня остались! – горячо возразила гостья.

– Вам и не придется, не переживайте! Если вы выпишете чек на 35 тысяч долларов, оставив три из них трастовой компании на случай непредвиденных обстоятельств, я приобрету для вас облигации. Уверен, через пару-тройку месяцев они подорожают.

Тут в разговор вновь бесцеремонно вмешался телеграф. На этот раз Колвелл услышал в привычном стрекоте что-то недоброе. Но, скрепя сердце, он договорил:

– Только, миссис Хант, вы должны открыто сказать мне, что готовы. Понимаете ли, биржа – не благотворительный фонд. Ее ни взволновать, ни разжалобить ничем. Даже ваш пол ей совершенно безразличен.

– Мистер Колвелл, вы что, предлагаете мне сегодня снять деньги и отдать их вам?

– Дорогая миссис Хант, я удовольствуюсь и чеком.

Не отдавая себе отчета, Колвелл забарабанил пальцами по краешку стола. Поймав себя на этом, он сжал их в кулак.

– Чудесно. Я принесу его вам уже сегодня. Вас наверняка ждут дела, поэтому не буду вам мешать. Но вы обещаете, что купите мне надежные и недорогие облигации?

– Обещаю, миссис Хант.

– Я точно не потеряю их, мистер Колвелл?

– Абсолютно точно. Я даже приобрел немного для своей супруги. Я гарантирую их безопасность. Не переживайте.

– О, это так мило! Не знаю, как вас и благодарить. Я... я...

– Миссис Хант, лучшая благодарность – просто не говорить об этой маленькой услуге. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ваш доход от трастовой компании вырос хотя бы вдвое.

– Я так признательна вам! Я была уверена, что вы можете! Как же иначе – вы отлично разбираетесь во всем этом.

Но вокруг так часто говорят о тех, кто разоряется на бирже. Мне просто стало страшно.

– Будьте спокойны, миссис Хант. Ваши облигации гарантированы от этого.

– До свидания, мистер Колвелл!

– Всего наилучшего, миссис Хант. И знайте, если я чем-то смогу вам помочь – только дайте знать.

– Благодарю.

И бедная вдова действительно отправила Колвеллу чек на 35 тысяч. Колвелл тут же купил сотню пятипроцентных золотых облигаций компании Manhattan Electric Light, Heat & Power Company. Это встало ему в 96 тысяч. «У этих бумаг, – написал он миссис Хант, – есть отличный шанс вырасти в цене. Когда ставки поднимутся, половину я продам, вторую оставляю в качестве инвестиций. Несмотря на то что операции на бирже – спекуляции, я не сомневаюсь в надежности этих инвестиций. Сначала мы увеличим ваши вложения, а потом все активы поместим в те же пятипроцентные облигации Manhattan Electric. Естественно, в пределах имеющихся средств. Я рассчитываю на то, что за шесть месяцев ваш доход вырастет в два раза». На следующее утро миссис Хант вновь вошла в его кабинет.

– Рад вас видеть, миссис Хант! Смею надеяться, ваши дела идут отлично?

– Здравствуйте, мистер Колвелл. Знаю, что отрываю вас от важных дел, но.

– Что вы, миссис Хант!

– О, вы так добры! Понимаете, в чем дело, я совсем не смыслю в этих облигациях. Могли бы вы мне все толком разъяснить? Я совершенно не разбираюсь в финансовых вопросах. – чуть игриво закончила она.

– Ну что вы, миссис Хант, не наговаривайте на себя. Но если хотите – извольте. Вы прислали мне чек на 35 тысяч.

– Да, – было ясно, что гостья буквально видит эту сумму перед собой.

– Замечательно. Я сразу открыл для вас счет. Наша фирма предоставила вам кредит, и я заказал для вас сотню облигаций по тысяче долларов. Я отдал за них 96 тысяч.

– Мистер Колвелл, все равно ничего не понимаю. Я ужасно бестолковая, – нотки кокетства вновь промелькнули в ее голосе.

– Получается, что за каждую тысяchedолларовую облигацию мы внесли 960 долларов. Вот и получилось 96 тысяч.

– Но, позвольте, я же перевела вам 35 тысяч, – упрямо не хотела разбираться в ситуации вдова его друга. – Неужели я так много заработала?..

– Еще нет, миссис Хант. Конечно, вы внесли 35 тысяч. Остальную 61 тысячу вложила наша фирма и оставила ваши ценные бумаги в качестве гарантии. Теперь мы должны вам 35 тысяч, а вы нам – 61.

– Подождите, мистер Колвелл! Я всего лишь убитая горем бестолковая женщина! Разве вся эта ситуация не такая же,

как у тысяч бедных людей, о которых постоянно пишут газеты? Эти несчастные закладывают все свое имущество и дома. А в один прекрасный день на их пороге появляется агент по недвижимости и оставляет их без крыши над головой. Эти горемыки оказываются на улице. Моя приятельница, миссис Стивелл таким же образом осталась без дома! – в праведном гневе произнесла миссис Хант.

– Что вы, у вас совершенно иная ситуация! Залог помогает получить вам более крупную прибыль, чем если бы вы приобретали облигации без опоры на кредит. Залог призван обезопасить вашего брокера от падения стоимости купленных бумаг. Ваш долг теоретический, не настоящий. Он просто прописан на бумаге. На облигациях указано ваше имя, их стоимость 96 тысяч. И если вы решите прервать наше сотрудничество, это не вызовет никаких затруднений. Вы просто распорядитесь продать ваши облигации и забрать сумму, которую мы внесли. Так вы вернете себе ваши 35 тысяч, то есть первоначальный взнос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.